

О. А. Кукатова
Ташкент, Узбекистан

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ОППОЗИЦИОНИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ЕЕ ТАКТИКИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу речевой стратегии оппозиционирования в современном русском дипломатическом дискурсе. Материалом исследования послужили интервью кадровых дипломатов, размещенные на официальном сайте МИД РФ (www.mid.ru). Цель работы — выявить особенности речевой стратегии оппозиционирования в публичном дипломатическом дискурсе. Основные задачи исследования — выявление тактик речевой стратегии оппозиционирования и анализ репертуара языковых средств репрезентации данной стратегии в дипломатическом дискурсе. Стратегия оппозиционирования нацелена на возможность представлять себя как лицо отстраненное, отчужденное, лично не заинтересованное в чем-либо, стремящееся к объективизации происходящего, к выполнению роли переговорщика, часто роли третьей стороны в переговорном процессе, а также лицо, целью которого является снижение конфликтности в переговорном процессе. Стратегия оппозиционирования в публичном дипломатическом дискурсе представлена такими тактиками, как тактика дистанцирования, тактика опровержения (ложной или неточной информации), тактика сомнения (в истинности/ложности описываемого положения дел), а также тактика неявной (скрытой) критики, тактика прямой (открытой) критики. При анализе репертуара языковых средств данных тактик особое внимание заслуживают способы выражения неявной критики (наличие имплицитной информации), которые позволяют маскировать неявный диалог говорящего (дипломата) и другой стороны переговорного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический дискурс; политический дискурс; политическая риторика; речевые стратегии; речевые тактики; политическая коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кукатова Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; 100174, Ташкент, ул. Университетская, 4; e-mail: kukatova.olga@mail.ru.

Механизмы речевой коммуникации в сфере дипломатии представляются недостаточно исследованными, что связано с определенной закрытостью (непубличностью) дипломатической сферы.

Как известно, любая речевая деятельность социальна по своей природе, так как представляет собой модель поведения в определенной ситуации общения, а также целенаправленна, так как обеспечивает решение какой-либо коммуникативной задачи. Проблематика настоящей статьи находится в русле того направления современной лингвистики, которое связано с решением целого комплекса задач, связанных со способами достижений говорящим определенной коммуникативной цели. В данном случае речь идет об исследовании речевых стратегий и репрезентирующих их тактик в рамках публичного дипломатического дискурса^[1].

Понятия *речевой стратегии* и *речевой тактики* взаимообусловлены и соотносятся как основополагающая цель (стратегия) и задачи (тактики), необходимые для реализации данной цели. Различия же в определении данных понятий, как нам кажется, связаны с фокусом внимания исследователя: что для исследователя важнее — общая направленность речевого поведения (цель) или конкретные шаги в реализации стратегии (задачи). Вслед за целым рядом исследователей, под речевой стратегией мы будем понимать общую направленность речевого поведения говорящего, ведущую к достижению той или иной коммуникативной цели, под тактикой — необходимые шаги для достижения данной коммуникативной

цели [Иссерс 2002: 54; Паршина 2005: 8—9; Ярославцева 2007: 76—77].

Как известно, одна и та же речевая стратегия, в частности стратегия оппозиционирования, может быть представлена в разных дискурсах и в каждом из них иметь свои особенности выражения.

Анализ материала показывает, что в публичном дипломатическом дискурсе стратегия оппозиционирования представлена следующими тактиками: тактикой дистанцирования^[2], опровержения (ложной или неточной информации), сомнения (в истинности/ложности описываемого положения дел), а также тактикой неявной (скрытой) критики и прямой (открытой) критики. Каждая из приведенных тактик имеет присущие ей языковые средства презентации, указанные тактики чаще всего *сочетаются*, а не реализуются отдельно друг от друга.

Языковая реализация первых трех речевых тактик в публичном дипломатическом дискурсе достаточно часто осуществляется при помощи ксенопоказателей *дескать*, *мол*.

Ксенопоказатели (ксенопоказателями Н. Д. Арутюнова называет «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [Арутюнова 2000: 437]) *дескать*, *мол* в современном русском языке служат для передачи чужой речи [Арутюнова 2000; Падучева 2011; Баранов 1994], сигнализируют читателю (слушателю) о смене субъектов речи, отстраняют «себя» от слов «другого», а также сигнализируют о смене точки зрения автора текста, т. е. смене «себя» на «другого» [Белова 2011: 49—52].

Ксенопоказатели *дескать*, мол с точки зрения их положения в высказывании семантически и функционально достаточно близки друг другу, однако есть и некоторые различия, которые и определяют их возможность/невозможность репрезентировать ту или иную тактику в публичном дипломатическом дискурсе.

В исследуемом дискурсе показатель *дескать* не только указывает на чужую речь, но и вводит информацию, которую дипломат последовательно, во всех случаях либо опровергает, ставя ее под сомнение, либо критикует в последующем контексте или определяет как неверные действия партнеров. Например: *Наши коллеги пытаются сказать нам, что „ИГ“ смогло образоваться только потому, что кризис в Сирии затянулся, и сейчас в Сирию как магнитом тянет всех суннитов, потому что, дескать, алавиты против суннитов применяют силу, не отдают власть. Это очень опасные попытки. ...Недопустимо пытаться представлять этот конфликт как противостояние внутри ислама (все примеры в данной статье взяты из интервью, выступлений и ответов на вопросы, расположенных на официальном сайте МИД РФ [Министерство иностранных дел Российской Федерации]), где в части высказывания, оформленной с помощью *дескать*, присутствует сомнение в подлинности излагаемого положения дел, предположение об искаженности происходящего (недопустимо пытаться представлять), а также критическая оценка происходящего (Это очень опасные попытки).*

Чужая речь (речь «другого»), оформленная с помощью *дескать*, может состоять из двух и более пропозиций (положений дел), в нее может быть вкраплена речь собственно говорящего, выражающая критическую оценку одного из описываемых положений дел. Например: *Мои западные партнеры говорят, что не надо вспоминать старое, действительно, в Ливии была совершена ошибка, но не в том, что было сделано, а в том, что не успели сделать: надо было, дескать, сразу после того, как свергли М. Каддафи, как его совершенно отвратительным образом казнили в прямом эфире под одобрительные возгласы зрителей, в том числе за океаном, вводить оккупационные войска и налаживать там жизнь. Сомневаюсь, что этот рецепт заслуживает, во-первых, исполнения на практике, а во-вторых, какого-то тиражирования. Сейчас мы имеем ситуацию, которая досталась нам в наследство от абсолютно авантурной безответствен-*

*ной политики, которую проводил Северо-атлантический альянс. Само же содержание чужой речи подвергнуто прямой и достаточно резкой критике, на что указывают слова *авантурной безответственной политики* и сомнение в правильности применения таких действий на практике в дальнейшем.*

Само по себе употребление показателя *дескать* позволяет говорящему если не противопоставлять себя «другому», то по крайней мере *дистанцироваться*, четко разделять свой текст и чужой с последующим недвусмысленным критическим комментарием чужого текста, возлагать ответственность за информацию, вводимую *дескать*, на «другого», что является характерной особенностью анализируемого типа текста. Сравните с другими примерами, где чужая речь также вводится с помощью *дескать*, однако противопоставление или дистанцирование «себя» и «другого» отсутствует: а) *Он мне намекнул, что, дескать, обязательно приду*; б) *У меня и в мыслях не было говорить, что, дескать, потерял*. Ксенопоказатель в примере а просто служит для оформления чужой речи, а в б и вовсе не является показателем чужой речи.

Кроме того, показатель *дескать* вводит пропозицию, неистинность которой опровергается говорящим с помощью приведения исторических фактов. Например: *Исторические факты не подтверждают расхожий тезис о том, что Россия, дескать, всегда находилась на европейских задворках, была аутсайдером европейской политики. Напомню в этой связи о том, что крещение Руси в 988 г... способствовало рывку в развитии государственных институтов, социальных отношений и культуры, превращению Киевской Руси в полноправного члена тогдашнего европейского общества. Здесь степень дистанцированности «себя» и «другого» усиливается еще и за счет использования экспрессивно окрашенной лексики: *на европейских задворках*. Что касается ксенопоказателя *мол*, то его употребление в дипломатическом дискурсе в основном не является знаком жесткого противопоставления «себя» «другому», открытой критики, опровержения ложной информации, не служит указанием на нецелесообразность или несерьезность предпринимаемых (предпринятых) шагов, однако не исключает установления определенной дистанции между «собой» и «другим». Например: *Я имел в виду, что после тех трагических событий (публичной казни Муаммара Каддафи) нам, действительно, говорили, что Россия потеряла арабский мир. Этого в итоге не произошло, потому что**

говорилось все на эмоциях, в ситуации, когда возникла некая эйфория — **мол**, пришли революционеры, и сейчас мы все решим и все сделаем. Из данного примера видно, что **мол** вводит даже не пересказанную говорящим чужую речь, а свободно интерпретируемую говорящим точку зрения «другого», тогда как в высказываниях с **дескать** происходит близкое к оригинальному тексту цитирование слов, к которым у говорящего резко отрицательное отношение, т. е. такие высказывания «нацелены прежде всего на передачу „чужого смысла“, а не чужих слов» [Арутюнова 2000: 443]. Сравните уже приведенный ранее пример: ...**дескать, сразу после того, как свергли М. Каддафи, ...вводить войска и налаживать там жизнь** — со словами Барака Обамы: **Возможно, это провал в подготовке плана на следующий день после вторжения в Ливию. На тот момент я считал это (вторжение) правильным шагом** [Б. Обама: «Я допустил ошибки...»].

Анализ текстов интервью в дипломатическом дискурсе показывает, что после чужой речи, вводимой **мол**, **обычно** не бывает слов опровержений, критики. Однако это не значит, что такие контексты совершенно исключены. Например: **Наши оппоненты говорят, что уже есть набор международных инструментов, которые необходимо, мол, лишь более эффективно задействовать, и этого будет достаточно. Это поверхностная оценка. Речь идет о совершенствовании норм международного права с учетом новых реальностей.** В отрывке присутствует отрицательная оценка речи «другого», а также аргументация своей позиции. В примерах такого типа частицы **мол** и **дескать** взаимозаменяемы, четкое разграничение **мол** и **дескать** провести сложно [Падучева 2011: 7], однако надо заметить, что **дескать** преимущественно употребляется в контекстах, где говорящий достаточно ясно заявляет о своей дистанцированности, критикует речь «другого», опровергает его доводы, указывает на неистинность заявлений «другого».

Говоря о тактике опровержения ложной или неточной информации в рамках речевой стратегии оппозиционирования, нельзя не сказать о ксенопоказателе **якобы** («Указывает на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности» [Якобы]), который, так же как и **дескать**, **мол**, является показателем чужой речи, однако, в отличие от них, в **якобы** дополнительно имеется значение **недостоверности**, которое и формирует отрицательное отношение говорящего к той пропозиции, которая следует

непосредственно за **якобы**. Не всегда, но достаточно часто за высказыванием, вводимым **якобы**, следует и опровержение. Например: **Сейчас сама Турция оказалась под шквалом критики в связи с тем, что она ввела боевые подразделения в Ирак, ссылаясь якобы на договоренность о тренировке курдов. Багдад такие договоренности опровергает.** Еще одним проявлением речевой стратегии оппозиционирования является тактика неявной критики, а также тактика прямой, открытой критики, которые имеют весьма нетривиальные средства и способы выражения. Например: **Подчеркнута и задача возобновления переговорного процесса, который был приостановлен в условиях, когда часть оппозиции (объект критики) заняла совершенно не конструктивную позицию и пыталась выдвигать предварительные условия** (характеристика объекта критики). При использовании тактики прямой критики такие компоненты высказывания, как объект критики и характеристика данного объекта, названы прямо, без введения имплицитной информации, а также слов и выражений, вуалирующих или затемняющих смысл высказывания. Сравните с примерами в следующих контекстах: **В прошлом были случаи, когда некоторые наши партнеры поддавались искушению попустительствовать экстремистам ради достижения неких геополитических целей**, прежде всего — сменить неужодный режим... // **Теперь, когда мы записали необходимость комплексного решения всех этих проблем, я надеюсь, и у оппозиции, и у тех, кто контролирует ее различные группы, не будет больше причин, чтобы „отлынивать“ от своих обязательств. // ... извлечь какие-то еще односторонние геополитические выгоды. // Привели примеры определенной предвзятости в некоторых действиях этих исполнительных структур, где употребление местоимений типа некоторые, некие, кто-то, какие-то, некто, нечто, словосочетаний типа одна из сторон, некоторые политики, активно-агрессивное меньшинство, синтаксических конструкций типа те, кто..., говорят, что намекает на объект критики, но не называет его прямо, как говорится, смягчает удар, отсылает к предыдущим текстам речей и выступлений дипломата или многочисленным сообщениям в СМИ, где содержится прямое указание на объект критики. Кроме того, необходимо сказать, что широкий общественный резонанс, который получили события в Украине и на Ближнем Востоке, способствовал формированию тех фоновых**

знаний адресата, которые необходимы для понимания подобных контекстов. Таким образом, именно имплицитный компонент (фоновые знания) данных высказываний содержит указание на настоящий объект критики.

Тактика неявной критики может быть реализована также с помощью апелляции к источнику, заслуживающему доверие как у международного сообщества, так и у конфликтующей стороны, с целью убедить конфликтующую сторону выполнять нечто (к примеру, достигнутые договоренности). При этом апеллирование к такому источнику занимает в высказывании (тексте) препозицию, а затем следуют критические замечания. Например: *Обсуждался украинский вопрос, где **была подтверждена** центральная роль Контактной группы и ее рабочих групп. **Нашими американскими партнерами** была подтверждена позитивная оценка деятельности „нормандской четверки“. Наши собеседники — Дж. Керри и заместитель Госсекретаря В. Нуланд... подтвердили, что их работа на украинском направлении будет нацелена на то, чтобы **помогать достигать договоренности в Контактной группе, „нормандском формате“, а не подменять эти доказавшие свою полезность механизмы.***

Кроме того, неявная критика вообще может не содержать каких-либо критических слов, замечаний, непосредственных обращений в адрес другой стороны. Например: *Центральной задачей является выполнение Минских договоренностей во всей их полноте и в той последовательности, которую излагает Минское соглашение от 12 февраля 2015 г., американцы с этим согласны.* Здесь создается утвердительная объективная модальность за счет отсутствия субъектов, указывающих на конфликтующие стороны, а также отсутствия указания на какой-либо источник информации в той части высказывания, которая представляет собой описание действий украинской стороны, а затем уже апелляцию к источнику, заслуживающему доверие у конфликтующей стороны (*Американцы с этим согласны*). Первая часть высказывания содержит имплицитный^[3] компонент *Минские договоренности выполняются не в полной мере*, который и является настоящим объектом критики. Еще пример: *Минские договоренности не подлежат какой-то интерпретации по своей сути*, в котором модальность утверждения позволяет говорящему отстраниться, дистанцироваться, быть объективным, выражая свою позицию достаточно твердо, апеллируя к документу, признанному мировым сообществом и подписанному не-

сколькими сторонами переговорного процесса, и в то же время содержит имплицитный компонент *делаются попытки интерпретировать Минские договоренности*, который, так же как и в предыдущем примере, является объектом критики.

При использовании тактики неявной критики достаточно частотны случаи употребления конструкции «отглагольный дериват попытка(и) + инфинитив» (*попытки спровоцировать ситуацию, навязать другим волю, удержать доминирование* и т. д.), которая включает в себе имплицитный компонент «существует некая сторона, пытающаяся делать/сделать нечто», являющийся настоящим объектом критики. Например: *Но знаем и об очень опасных **попытках представлять эти противоречия как отражение раскола в мусульманском мире*** (имплицитный компонент: «есть некая сторона, которая пытается представлять эти противоречия как отражение раскола в мусульманском мире»).

Имплицитный компонент семантики высказывания может быть заключен также в чужой речи, которая вообще может не иметь каких-либо формальных показателей, а представлять собой риторический вопрос. Например: *Сирийские курды составляют примерно 15 % населения и занимают значительную, причем ключевую часть территории. Знаете, какой аргумент был выдвинут против их участия? **Зачем их приглашать, если они не борются против Б. Асада?*** (имплицитный компонент: «есть те, которые борются с Асадом» и «только те, кто борются с Асадом, могут участвовать в переговорном процессе»). Второй имплицитный компонент и является объектом критики. Чужая речь здесь как бы «маскирует» второй имплицитный компонент, принадлежащий третьей стороне (первые две стороны — это сам говорящий и представители курдской стороны), что рождает неявный диалог. Таким образом, средством выражения неявной (скрытой) критики является имплицитная информация, в частности, фоновые знания адресанта и адресата, которые смягчают критику, делают ее не столь категоричной.

Подводя итог, необходимо сказать, что особенностью речевых тактик в рамках стратегии оппозиционирования в публичном дипломатическом дискурсе является их представленность на уровне высказывания; выявленные языковые средства позволяют говорящему обнаруживать и представлять себя в дипломатическом дискурсе как лицо отстраненное, отчужденное, лично не заинтересованное в чем-либо, а стремящееся к

объективизации происходящего, к выполнению роли переговорщика, часто роли третьей стороны в переговорном процессе, а также позволяют снижать конфликтность. Особо внимания заслуживают способы выражения неявной критики (наличие имплицитной информации), которые позволяют маскировать неявный диалог говорящего (дипломата) и другой стороны переговорного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Вслед за Л. М. Терентием дипломатический дискурс рассматривается нами «как особая форма коммуникативной деятельности, главное отличие которой от других видов коммуникации заключается в ее разнонаправленном характере, что обусловлено различными целями и задачами, реализуемыми в разных контекстах — публичном и закрытом» [Терентий 2010: 48]. Однако любая форма дипломатического дискурса (публичная или непубличная) «направлена на обеспечение безопасности государства, сотрудничество, поиск согласия с зарубежными странами» [Кожетова 2012: 2].

[2]. Речевая тактика дистанцирования рассматривалась на материале политического дискурса в рамках стратегии самопрезентации, а также как неспецифическая, т. е. характерная для нескольких стратегий, в работе О. Н. Паршиной, где под дистанцированием понимается отстраненность, отчужденность [Паршина 2005: 79—83].

[3]. В лингвистике термин «импликация» употребляется в значении подразумевания, трактуемого как фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации, presupposition, грамматическая неполнота предложения, эллиipsis, подтекст, текстовая импликация. Выражение имплицитного в языке является языковой универсалией [Медынская 1971] и связано с законом экономии языковых средств, а также с таким закономерным для естественного языка феноменом, как асимметрия плана содержания и плана выражения. Имплицитные (элиминируемые) компоненты собственно и возникают в результа-

те подобной асимметрии [Падучева 1985: 48—78; Арнольд 1982: 88; Карцевский 2000; Жарина 2006].

* Организация, запрещенная в РФ (прим. ред.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83—92.
2. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке. — М., 2000. С. 437—449.
3. Барак Обама: «Я допустил ошибки при планировании интервенции в Ливии» // RT. URL: <https://russian.rt.com/article/158089>.
4. Белова В. М. Частица «мол» как дискурсивное слово (на материале мемуаров монтажного типа) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2011. № 2 (30). Т. 2. С. 49—52.
5. Баранов А. Н. Заметки о дескать и мол // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114—124.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М., 2002.
7. Жарина О. А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2006. 24 с.
8. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение. — М. : Аспект Пресс, 2000. С. 76—81.
9. Кожетова А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. 22 с.
10. Медынская В. Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // Филологические науки. 1971. № 3. С. 38—45.
11. Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.mid.ru/ru>.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М. : Наука, 1985. 271 с.
13. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 3. С. 13—19.
14. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2005. 325 с.
15. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47—57.
16. Якобы // Словарь русского языка (MAC). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/32/ma478203.htm>.
17. Ярославцева А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2007. 211 с.

О. А. Kukatova

Tashkent, Uzbekistan

SPEECH STRATEGY OF OPPOSITION AND THE TACTICS REPRESENTING IT IN THE DIPLOMATIC DISCOURSE

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of speech strategy of opposition in the modern Russian diplomatic discourse. The study is based on the interviews of diplomats posted on the official website of the Russian Foreign Ministry (www.mid.ru). the goal of the work is to reveal the peculiar features of the strategy of opposition in the public diplomatic discourse. The main tasks of the research are to expose the strategy of opposition and to analyze the repertoire of linguistic means representing this strategy in the diplomatic discourse. The opposition strategy is aimed at the presentation of oneself as a person who is alienated, estranged, and not interested in the case, striving to objectify what is happening, to fulfill the role of the negotiator, often the role of a third party in the negotiation process, as well as a person whose goal is to resolve the problem in the negotiation process. The opposition strategy in the public diplomatic discourse is represented by the following tactics: the tactics of distancing, the tactics of refutation (false or inaccurate information), the tactics of doubt (in the truth of the falsity of the described state of affairs), as well as the tactics of implicit (hidden) criticism, the tactics of direct (open) criticism. When analyzing the repertoire of the language means of these tactics, special attention is paid to the ways of expressing implicit criticism (the presence of implicit information), which allow masking the implicit dialogue of the speaker (diplomat) and on the other hand to the negotiation process.

KEYWORDS: diplomatic discourse; political discourse; political rhetoric; speech strategy; communicative strategy; communicative tactics; political communication.

ABOUT THE AUTHOR: *Kukatova Olga Alekseevna, Associate Professor, Department of Russian Philology, Faculty of Foreign Philology, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek.*

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Implikatsiya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya // Voprosy yazykoznaviya. 1982. № 4. S. 83—92.
2. Arutyunova N. D. Pokazateli chuzhoy rechi de, deskat', mol. K probleme interpretatsii rechapovedencheskikh aktov // Yazyk o yazyke. — M., 2000. S. 437—449.
3. Barak Obama: «Ya dopustil oshibki pri planirovani interventsii v Livii» // RT. URL: <https://russian.rt.com/article/158089>.
4. Belova V. M. Chastitsa «mol» kak diskursivnoe slovo (na materiale memuarov montazhnogo tipa) // Vestn. Cherepovets. gos. un-ta. 2011. № 2 (30). T. 2. S. 49—52.
5. Baranov A. N. Zametki o deskat' i mol // Voprosy yazykoznaviya. 1994. № 4. S. 114—124.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M., 2002.
7. Zharina O. A. Kategoriya implitsitnosti kak osnova dlya formirovaniya edinit diskursa i teksta (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2006. 24 s.
8. Kartsevskiy S. O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka // Vvedenie v yazykovedenie. — M. : Aspekt Press, 2000. S. 76—81.
9. Kozhetova A. S. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki diplomaticheskogo diskursa (na materiale verbal'nykh not) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2012. 22 s.
10. Medynskaya V. L. Ob implitsitnykh strukturakh, vyrazhayushchikh nekotorye sintaksicheskie kategorii v russkom yazyke // Filologicheskie nauki. 1971. № 3. S. 38—45.
11. Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii : sayt. URL: <http://www.mid.ru/ru>.
12. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. — M. : Nauka, 1985. 271 s.
13. Paducheva E. V. Pokazateli chuzhoy rechi: mol i deskat' // Izv. RAN. Ser. literatury i yazyka. 2011. T. 70, № 3. S. 13—19.
14. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk. — Saratov, 2005. 325 s.
15. Terentiy L. M. Diplomatcheskii diskurs kak osobaya forma politicheskoy kommunikatsii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 1. S. 47—57.
16. Yakoby // Slovar' russkogo yazyka (MAS). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/32/ma478203.htm>.
17. Yaroslavtseva A. E. Reprezentatsiya rechevykh strategiy i taktik v agitatsionnom tekste : dis. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2007. 211 s.